

STUDIA BALCANICA

8

2506₈

*БАЛКАНСКИ
КУЛТУРНИ
И ЛИТЕРАТУРНИ
ВРЪЗКИ*

ACADEMIE BULGARE DES SCIENCES

СЪДЪРЖАНИЕ

Пеню Русев — Византийската култура в Югоизточна Европа като проблем на информационна система	5
Благой Чифлянов — Богослужбната реформа на патриарх Евтимий	31
Георги Данчев — Посланията на Димитър Кантакузин	43
Георге Михаила — Поученията на Нягое Басараб (1512—1521) — забележителна творба на славяно-румънската литература	71
Михаила Стайнова — Към въпроса за османския епистоларен жанр	87
Вера Мутафчиева — „Предсказанията“ за края на Османската империя (Към въпроса за руско-балканските културни връзки през XIX в.)	109
Афродита Алексиева — Преводните повести и романи от гръцки през първата половина на XIX в. (до Кримската война)	119
Веселина Димова — Земуи — един от сръбските центрове на балканско книгопечатане през Възраждането	153
Бойка Соколова — Албанският емигрантски печат в България и някои въпроси на албанската национална революция	191
Марин Жечев — Някои особености в развитието на романа в балканските литератури	217
Стефан Великов — Назъм Хикмет в България — преводи и влияние	239

СОДЕРЖАНИЕ

Пеню Русев — Византийская культура в Юго-Восточной Европе как проблема информационной системы	28
Благой Чифлянов — Богослужбная реформа патриарха Евфимия	40
Георги Данчев — Послания Дмитрия Кантакузина	68
Георге Михаила — Поучения Нягое Басараба (1512—1521) — замечательное произведение славяно-румынской литературы	85
Михаила Стайнова — К вопросу об эпистолярном стиле в Османской Турции	106
Вера Мутафчиева — „Предсказания“ о конце османской империи (К вопросу о русско-балканских культурных связях в XIX в.)	116
Афродита Алексиева — Переводные повести и романы с греческого языка в первую половину XIX в. (до Крымской войны)	150
Веселина Димова — Земуи один из сербских центров балканского книгопечатания в период Возрождения	189
Бойка Соколова — Албанская эмигрантская печать в Болгарии и некоторые вопросы албанской национальной революции	214
Марин Жечев — Некоторые особенности развития романа в балканских литературах	238
Стефан Великов — Назым Хикмет в Болгарии — переводы, влияние	259

SOMMAIRE

Penjo Rusev — La culture byzantine dans l'Europe du Sud-Est comme problème d'un système d'information	29
Blagoj Čifljanov — La réforme liturgique du patriarche Euthyme	41
Georgi Dančev — Les Eptres de Démétrios Cantacuzène	69
Gheorghe Mihailă — Les sermons de Neagoe Basarab (1512—1521) — oeuvre remarquable de la littérature slavo-roumaine	85
Mihaïla Stajnova — A propos du genre épistolaire ottoman	107
Vera Mutafčieva — Les „prédications“ sur la fin de l'Empire ottoman (sur la question des relations culturelles russo-balkaniques au XIX ^e siècle)	117
Aphrodita Alexieva — Nouvelles et romans traduits du grec pendant la première moitié du XIX ^e s. (jusqu'à la guerre de Crimée)	151
Veselina Dimova — Zemun — un des centres serbes d'édition de livres dans les Balkans lors de leur Renaissance	189
Bojka Sokolova — La presse des émigrés albanais en Bulgarie et quelques questions de la révolution nationale albanaise	215
Marin Žečev — Quelques particularités de l'évolution du roman dans les littératures balkaniques	238
Stefan Velikov — Nazim Hikmet en Bulgarie — traductions et influence	260

СТУДИЯ БАЛКАНИКА, т. 8

•
Редактор *М. Костова*
Художник *А. Кожухарова*
Худ. редактор *Д. Донков*
Техн. редактор *М. Банкова*
Коректор *Р. Иванова*

•
Изд. индекс 4958
Дадена за набор на 23. I. 1974 г.
Подписана за печат на 10. IV. 1974 г.
Формат 70/100/16 Тираж 1000 ЛГ II—6
Печатни коли 16,38 Изд. коли 19,49
Цена 2,50 лв.

•
Набрана и отпечатана в Печатницата
на Издателството на БАН
София 13, вл. 36
Пъръчка 135

стемата като цяло и на подсистемите като самостоятелни звена в нея. Ето защо изследването на културата на югоизточноевропейските и източноевропейските народи изисква и проучване на информационните системи от език, литература и изкуство.

10

Както подчертах в началото на статията, проблемът за разпространението и влиянието на византийската култура в Югоизточна и Източна Европа е преди всичко проблем на информационна система от език, литература и изкуство. Специално за проникването на византийската култура на север и изток от Византия особено значение има и особена роля играе като основа, върху която възникват средновековните църковно-християнски системи на сърби, руси и румъни, старобългарската информационна система с литературен старобългарски език.

Друг е въпросът, какво от византийската култура става част, съставка на средновековните народности култури на българин, сърбин, румънин и русин, кое се оказва трайно и кое скоропреходно, как византийското се свързва с местното и народното?

Този въпрос обаче не е предмет на разглеждане в настоящата статия.

ВИЗАНТИЙСКАЯ КУЛТУРА В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ КАК ПРОБЛЕМА ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ

ПЕНИУ РУСЕВ

(Резюме)

В статье сделана попытка рассмотреть проблему о византийском культурном влиянии на Балканах и в России в духе некоторых основных идей науки о трансформациях и взаимозависимостях, называемой кибернетикой.

В начале Византия охарактеризована как многоплеменная и многонародная государственная общность со своеобразной информационной системой языка, рукописно распространяемой литературой, восточно-православным церковным порядком и восточно-христианским искусством. Эта система возникает в период IV—VII вв., когда Восточная Римская империя превращается в Византийскую. Основным в византийской информационной системе языка, литературы и искусства является богослужение, основывающееся на рукописно распространяемой христианской литературе на греческом литературном языке, и поддерживающее установленный царьградской патриархией церковный порядок. Одновременно с этой информационной системой в Византии существуют и развиваются фольклорные системы различных племен и племенных группировок.

На основе литературного греческого языка в Византии медленно оформляется и развивается греческая народность. Однако греческий язык является помехой для приобщения негреческого населения к Византии как

Многоплеменной и многонародной государственной общности. Византийская информационная система с основным ядром восточно-православного церковного порядка увеличивает свои возможности и распространяет свое воздействие за пределами Византии, используя появление и развитие письменности и литературы на армянском, грузинском, славянском и других языках. Возникшие новые литературные языки как своеобразные „линии“ или „каналы“ для информации, „индифферентны“ по отношению конкретного содержания передаваемой через них информации. Они являются дальнейшим продолжением византийской информационной системы и распространяют политическое и культурное влияние Византии. Однако, возникшие, они кладут начало формированию новых, относительно самостоятельных, информационных систем с народным обликом. При соответствующих благоприятных исторических условиях эти новые информационные системы языка, рукописно распространяемой христианской литературы на древнеболгарском языке расширяют византийское — прежде всего культурное — влияние почти во всей Юго-восточной и Восточной Европе. Одновременно это означает последовательное возникновение информационных систем также и таких народов как болгарский, сербский, русский, румынский.

Сама византийская культура, понимаемая как информация, включенная в византийскую информационную систему, представляет собой внутренне противоречивое единство, т. е. динамическую структуру. В ней мы открываем противоположные элементы и тенденции — официально-христианские и еретические, греко-народные и негреческие, царьградские и провинциальные, литературные и фольклорные и пр.

В конце, на основе подробного анализа общевизантийского, греко-народного и болгаро-народного в древнеболгарской литературе и культуре указано значение болгарского языка и болгарской литературы в Средние века как средства и пути — т. е. „линии“ или „канала“ — для дальнейшего распространения византийского культурного влияния на запад, север и восток.

LA CULTURE BYZANTINE DANS L'EUROPE DU SUD-EST COMME PROBLÈME D'UNE SYSTÈME D'INFORMATION

P. RUSEV

(Résumé)

Le présent article constitue un essai d'aborder le problème de l'influence byzantine culturelle dans les Balkans et en Russie à la lumière de certaines idées fondamentales de la science des transformations et interdépendances, appelée aujourd'hui cybernétique.

Au début Byzance est caractérisée comme une communauté étatique multitribale et multiethnique, dotée d'un système original d'information

basé sur la langue, la littérature propagée en manuscrit, l'ordre ecclésiastique et l'art oriental orthodoxe. Ce système apparaît au cours des IVe—VIIe siècles, lorsque l'Empire romain d'Orient se transforme en Empire byzantin. Bien que ce système se soit modifié et développé par la suite, il garde, en lignes générales sa structure jusqu'à la disparition de Byzance. L'essentiel dans le système byzantin d'information linguistique, littéraire et artistique est la liturgie, basée sur une littérature chrétienne propagée en manuscrit en langue littéraire grecque et observant l'ordre ecclésiastique établi par le patriarcat de Constantinople. A côté de ce système d'information, à Byzance coexistent et se développent les systèmes folkloriques des différents tribus et groupes tribaux.

Sur la base de la langue grecque littéraire, à Byzance se forme et développe lentement la nationalité grecque. Cependant la langue grecque s'avère un obstacle au ralliement de la population non grecque à l'Empire byzantin en tant que communauté d'Etat multitribale et multiethnique. Le système byzantin d'information dont le noyau fondamental est l'ordre ecclésiastique oriental orthodoxe voit ses possibilités s'accroître et étend son influence hors des frontières de Byzance en bénéficiant de l'apparition et du développement d'une écriture et d'une littérature en langue arménienne, géorgénienne, slave et autres. Les langues littéraires nouvellement apparues, en tant que „lignes“ ou „canaux“ spécifiques d'information, qui sont „indifférents“ à l'égard du contenu concret de l'information, transmise par leur intermédiaire, apparaissent comme des prolongements du système byzantin d'information et comme un véhicule de l'influence politique et culturelle de Byzance. Mais une fois apparus, ils donnent naissance à de nouveaux systèmes d'information relativement indépendants d'aspect national. A la faveur de circonstances historiques propices, ces nouveaux systèmes d'information linguistiques, de littérature propagée en manuscrit et d'art contribuent à la formation de nouvelles nationalités. L'apparition d'une liturgie slave et d'une littérature chrétienne favorise l'extension de l'influence byzantine, surtout culturelle, dans presque toute l'Europe du Sud-Est et de l'Est, ce qui conduit à l'apparition progressive de systèmes d'information et de nationalités, telles les nationalités bulgare, serbe, russe, roumaine.

La culture byzantine elle-même comprise comme information accumulée dans le système d'information, représente une unité intrinsèquement contradictoire, c'est-à-dire une structure dynamique. Nous y découvrons des éléments et tendances opposés, tels chrétiens officiels et hérétiques, nationaux grecs et non grecs, constantinopolitains et provinciaux, littéraires et folkloriques, etc.

En conclusion, sur la base d'une analyse détaillée des éléments chrétiens, byzantins et bulgares dans les anciennes littérature et culture bulgare, on relève l'importance de la langue bulgare et de la littérature bulgare au Moyen Age en tant que moyen et voie, c'est-à-dire en tant que ligne ou canal, d'extension de l'influence culturelle byzantine dans l'Ouest, le Nord et l'Est.

констатира по време на пребиваването си в Цариград и Атон в центрове като манастирите „Св. Мамант“, „Студион“, „Зограф“ и Великата лавра.⁴⁰

Днес литургиолозите говорят за етапи в развитието на християнското богослужение и предлагат следната периодизация: 1. Период на импровизации (I—IV в.). 2. Период на създаване на богослужebни постоянни формули (IV—VII в.). 3. Период на компилации (VIII—XII в.) и 4. Период на фиксиране на богослужението XIII—XIV в.).⁴¹ Необходимо е да се подчертае значението на четвъртия период за цялостното разглеждане на поставените проблеми, тъй като именно това богослужение, което е било зафиксирaно във Византия през периода XIII—XIV в., е трябвало да бъде преведено в българската църква. Като преводач и реформатор на богослужebните книги в България изворите сочат великия търновски архиепископ и български патриарх Евтимий.

Допълнителното осветляване на проблемите, свързани с литературната реформа в богослужebните книги на този изтъкнат български пастир и книжовник, без съмнение ще доведе, като се вземат пред вид и посочените по-горе факти, до по-положителни данни и сигурни оценки за чисто богослужebната реформа, която той несъмнено е провел.

БОГОСЛУЖЕБНАЯ РЕФОРМА ПАТРИАРХА ЕВФИМИЯ

ПРОТ. БЛАГОЙ ЧИФЛЯНОВ

(Резюме)

Автор привлекaет ряд фактов, сведений и сопоставлений с целью обосновать тезис о том, что наряду с литературной или т. н. правописной реформой в богослужebных книгах патриарх Евфимий провел реформу в самом богослужении. Наблюдения над развитием и изменениями в византийском богослужении, отмеченные до патриарха Евфимия (XIII—XIV), ведут к раскрытию более поздних параллельных проявлений и в болгарской церкви. Эти изменения проявляются в уставе (типике), молитвослове (евхологоне) и гимнографии. Привлеченные из той же эпохи источники указывают на патриарха Евфимия как на автора этих изменений, как на реформатора и самого богослужения у нас.

⁴⁰ В. Сл. Киселков. Цит. съч.

⁴¹ A. G. Martimort. L'église en prière. 3ème éd. Paris, 1965. p. 15—57.

LA REFORME LITURGIQUE DU PATRIARCHE EUTHYME

ARCHIPRÊTRE BLAGOÏ TCHIFLIANOV

(Résumé)

L'auteur attire l'attention sur une série de faits et d'informations et confronte des données afin d'étayer la thèse que, parallèlement à la réforme littéraire ou ainsi dite de l'orthographe des livres du culte, le patriarche Euthyme a procédé également à une réforme de la liturgie même. L'étude du développement et des changements dans la liturgie byzantine, arrêtés avant patriarche Euthyme (au XIIIe et XIVe s.) conduit à la découverte de phénomènes ultérieurs parallèles également au sein de l'Eglise bulgare. De tels changements apparaissent dans le rituel (le typicon), le recueil de prières (l'eucologe) et l'hymnographie. Les sources citées de la même époque indiquent patriarche Euthyme comme auteur de ces changements, comme réformateur de la liturgie en Bulgarie.

писатели, които Димитър Кантакузин е познавал, трябва да изброим всички автори, включени в сборника от 1469 г. В случая нас ни интересува този въпрос само доколкото посланието до доместик Исай е ценен извор на сведения за ерудираността на писателя.

Посланията на Димитър Кантакузин, непроучени и непознати досега у нас, разширяват познанията ни за идейно-емоционалния свят на писателя. Някои от проблемите, които намират място и художествено разрешение в другите му творби, са поставени и в тях. Това се отнася преди всичко за посланието до доместик Исай. В него можем да открием размисли, настроения и чувства, които в по-друга форма са отразени в „Молитва към Богородица“, а и в останалите му произведения. Възможно е и в посланието до Владислав Граматик да са съществували такива моменти, но отсъствието на текста ни затруднява да твърдим това.

Тревожните Кантакузинови размисли за съвременния му живот, за добродетелите и прегрешенията, за смъртта и края на света, за нуждата от книжина, отразени в посланията му, са интересни моменти от духовния свят на християнската интелигенция в земите на Балканския полуостров по онова време. В тях са намерили отражение редица важни страни от действителността в средата на XV в. Това прави посланията му интересни не само като литературни творби, но и като извор на сведения за живота и възненията на балканските народи в първия век на османското робство.

ПОСЛАНИЯ ДМИТРИЯ КАНТАКУЗИНА

ГЕОРГИ ДАНЧЕВ

(Резюме)

У нас до сих пор не изучались послания Дмитрия Кантакузина. А они очень интересны как по форме, так и по содержанию для истории болгарской и южнославянской литературы.

Настоящее исследование посвящено двум посланиям Кантакузина — одно, посланное Владиславу Грамматику, другое — доместику Исайю.

Послание Дмитрия Кантакузина Владиславу Грамматику не дошло до нас ни в одном списке. Однако нельзя сомневаться в его существовании. На основании сведений, содержащихся в эпилоге Владислава Грамматика к его сборнику 1469 г., мы приближаемся к его содержанию.

Основное место в исследовании уделено посланию Дмитрия Кантакузина доместику Исайю. Текст этого послания до сих пор не публиковался и оно известно только библиографически. Наблюдения сделаны только на основе его единственного списка, хранящегося в Патриаршей библиотеке в Белграде.

Послания Дмитрия Кантакузина раскрывают интересные стороны в идейно-эмоциональном мире писателя. Его тревожные размышления о со-

временной жизни, о добродетелях и прегрешениях, о смерти и конце мира, о необходимости литературы в его посланиях являются интересными моментами душевного мира христианской интеллигенции в землях Балканского полуострова того времени.

LES ÉPÎTRES DE DÉMÉTRIUS CANTACUZÈNE

GEORGI DANČEV

(Résumé)

Jusqu'à présent, les épîtres de Démétrios Cantacuzène n'ont pas fait chez nous l'objet d'études. Or, ils constituent un phénomène fort intéressant tant par la forme que par leur contenu dans l'histoire de la littérature bulgare et celle des pays slaves du sud.

La présente étude est consacrée à deux épîtres de Cantacuzène: l'une, adressée à Vladislav le Grammairien, l'autre au „domestique“ Isaïe.

Aucune copie de l'épître de Démétrios Cantacuzène à Vladislav le Grammairien ne nous est parvenue. Toutefois, nous ne pouvons douter que l'original ait existé. En base des informations que nous trouvons dans la postface du Recueil de 1469 de Vladislav le Grammairien, nous nous rapprochons de son contenu.

L'étude réserve une place capitale à l'épître de Démétrios Cantacuzène au „domestique“ Isaïe. Le texte de cette épître n'a pas été publié jusqu'à présent, et on n'en possède qu'une information bibliographique. Les observations en ce qui la concerne sont effectuées en base de l'unique copie, conservée à la bibliothèque du Patriarcat à Belgrade.

Les épîtres de Démétrios Cantacuzène révèlent d'intéressants aspects au sujet des idées et du monde émotionnel de l'écrivain. Ses pensées inquiètes sur la vie de son époque, sur les vertus et les péchés, sur la mort et la fin du monde, sur l'importance de la littérature, reflétées dans ses épîtres, constituent d'intéressants aspects de l'univers spirituel de l'intelligentsia chrétienne dans la péninsule Balkanique à cette époque.

ПОУЧЕНИЯ НЯГОЕ БАСАРАБА (1512—1521) — ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ СЛАВЯНО-РУМЫНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ГЕОРГЕ МИХАИЛА

(Резюме)

Труд касается вопроса о болгарской письменной традиции в Румынии. Автор рассматривает произведение, в котором отражено культурное сотрудничество балканских народов в их многовековых контактах. Оригинальная румынская политическая мысль XIV в. изложена на среднеболгарском литературном языке.

В статье передана история славянской рукописи вместе с необходимым археографическим описанием. Уточнен период возникновения этой рукописи. Окончательно распределены разрозненные страницы, сохранившиеся в Народной библиотеке имени Кирилла и Мефодия в Софии. Изучение рукописи проведено на основе сравнения с полным румынским текстом.

Литература об этом письменном памятнике подвергнута критическому анализу. Сделан обзор рукописей и изданий румынского и греческого текстов. На основе литературно-исторического и текстологического анализа доказывается аутентичность этого румынского по своей направленности произведения. Одновременно это и одно из наиболее значительных произведений славяно-румынской литературы и одно из виднейших произведений „церковно-славянской“ литературы в Юго-восточной и Восточной Европе.

LES SERMONS DE NEAGOE BASARAB (1512—1521) — OEUVRE REMARQUABLE DE LA LITTÉRATURE SLAVO-ROUMAINE

GEORGE MIHAILĂ

(Résumé)

L'étude se rapporte au problème de la tradition écrite bulgare en Roumanie. L'auteur examine une œuvre où s'est reflétée la coopération culturelle entre les peuples balkaniques et leurs contacts s'étendant sur des siècles. La pensée politique roumaine originale du XIVe s. est exposée en langue littéraire bulgare.

L'étude expose l'histoire du manuscrit slave avec la description indispensable du texte. La période de la composition du manuscrit est précisée. Ses feuillets épars, conservés à la Bibliothèque nationale „Cyrille et

Méthode" à Sofia sont définitivement rangés et ordonnés. L'étude du manuscrit a été effectuée en base de comparaisons avec le texte roumain intégral.

La littérature se rapportant à cette œuvre a été soumise à une analyse critique. L'auteur a passé en revue les manuscrits et les éditions du texte roumain et grec. L'authenticité de cette œuvre roumaine par l'orientation de ses idées est prouvée grâce à une analyse littéraire, historique et du texte. C'est en même temps une des œuvres les plus remarquables de la littérature slavo-roumaine et un des écrits les plus en vue de la littérature slavo-bulgare en Europe du sud-est et de l'est.

LES SERMONS DE MATHIEU BARRAB (1811-1812) — CENTRE
REMARQUABLE DE LA LITTÉRATURE SLAVO-ROUMAINE

BRUNO NIKEL

(1811-1812)

L'ouvrage est un des plus importants de la littérature roumaine et bulgare. Il est un des plus remarquables de la littérature slavo-roumaine et un des écrits les plus en vue de la littérature slavo-bulgare en Europe du sud-est et de l'est.

минология на съответния език, на който са написани. Такива ръководства по професионална и дипломатическа кореспонденция се издават твърде много напоследък в САЩ, Великобритания, ГФР и другале, използват се в търговски кантори, информационни бюра и пр.

Що се отнася до днешна Турция, то след разпадането на Османската държава и заедно с това на повечето нейни институции (без религиозните), след езиковата и други реформи, традицията на османотурските „мюнша“, изградени въз основа на класическия близкосточен езиков аксесоар и специфични клиширани формули, е напълно прекъсната. Османотурските „мюнша“ остават за съвременната османистика писмени паметници, чието значение и роля се опитахме да изясним в най-общи линии без претенции за изчерпване на този интересен проблем.

К ВОПРОСУ ОБ ЭПИСТОЛЯРНОМ СТИЛЕ В ОСМАНСКОЙ ТУРЦИИ

МИХАИЛА СТАЙНОВА

(Резюме)

Настоящее исследование является попыткой определить специфику эпистолярного стиля в Османской Турции, место письмовников среди остальной осmano-турецкой литературы, чтобы расширить сведения об авторах-прозаиках, создавших эпистолярографические сборники „мюншаты“. Параллельно с этим в исследовании поставлены и следующие задачи: внести известную классификацию письмовников, принимая за критерий композиционный признак, характер их содержания, соответственно — их предназначение, которые они могут иметь сегодня как письменные и исторические памятники.

Исследование проведено на неизученном до сих пор архивном материале из Архива Восточного отдела Народной библиотеки имени Кирилла и Мефодия в Софии, и на основе каталогов мировых архивохранилищ, где сохраняются осmano-турецкие „мюншаты“, а также на основе других, опубликованных в связи с этим вопросов, трудов.

В исследовании ударение сделано на проблеме создания и массовом распространении списков письмовников без указания авторства, анонимных „мюншатов“, являющихся своего рода апокрифической литературой с широким спектром применения, сохраняющих долголетнюю прозаическую традицию, присущую не только османским туркам, но и всему ближневосточному миру.

A PROPOS DU GENRE ÉPISTOLAIRE OTTOMAN

MIHAJLA STAJNOVA

(Résumé)

La présente étude est un essai de déterminer la spécificité du genre épistolaire en Turquie ottomane, la place des épistoliers au sein de la littérature ottomane, d'étendre les connaissances sur les prosateurs, ayant laissé des recueils épistolaires dits „munchat“. En outre, l'étude se pose les tâches suivantes: d'introduire une certaine classification parmi les espèces de manuels épistolaires, en prenant comme critères la composition, le caractère de leur contenu, respectivement leur destination, celle qu'ils peuvent avoir aujourd'hui comme monuments littéraires et historiques.

L'étude se base sur des pièces des Archives de la section orientale, jusqu'à présent non étudiées auprès de la Bibliothèque nationale „Cyrille et Méthode“ à Sofia, ainsi que sur des catalogues d'archives, où sont conservés de „munchat“ ottomans; l'auteur prend également en considération d'autres ouvrages publiés en connexion avec cette question.

L'accent de l'étude est placé sur le problème de la création et de la diffusion en masse de copies de manuels épistolaires sans noms d'auteurs, de „munchat“ anonymes, constituant en quelque sorte des écrits apocryphes, ayant un large domaine d'application et sauvegardant une tradition de longue haleine dans le domaine de la prose, propre non seulement aux Turcs ottomans, mais à l'ensemble du Proche-Orient.

От това можем да заключим, че изброените московски печатници ще да са играели ролята на т. нар. печатници за акциденция, където биват изработвани спешни, необемисти, злободневни издания. Те донякъде са играели ролята на политически памфлет, макар формата, която анонимните автори са им избрали, да е твърде архаична. Този факт доказва, че „предсказанията“ не са били адресирани към просветения съвременник. Използвателите утвърдената в Русия традиция на апокрифа, тия автори са предначили съчиненията си за широка народна публика — същият онзи народ, който е изпълвал редиците на воюващите на Балканския полуостров руски армии.

Обстоятелството, че в рамките на една година третираните „предсказания“ са претърпели седем различни издания, свидетелствува, че тази „литература“ е била търсена, имала е читатели. При това напълно допустимо е не всички от тях да са се запазили, като се вземе пред вид техният акцидентен характер; допустимо е и да са съществували по няколко стереотипни публикации на едно и също „предсказание“. Тази литература е имала собствен принос във формирането на руското обществено мнение, защото е усилвала убеждението в руската освободителна мисия на Балканите.

Всичко казано дотук се отнася обаче към годината 1828—1829, предшествувала с полустолетие Априлската епопея.

Изцяло в областите на догадките остават някои основни въпроси на настоящето: По какви пътища „предсказанията“, отнасящи се за гръцкото освободително движение, са достигнали балканските и конкретно българските земи? Кои са били техните разпространители и читатели? С чий труд тези „предсказания“ са били транспонирани към аналогичната борба на нашия народ с половин век по-късно? Кой е откривателят — върху вече предоставения от руската традиция шаблон — на магическата формула „Турция ќе падне“? Това са въпроси без отговор. Извън съмнение е обаче, че се е намерил и път, и разпространители, и читатели, и ентузиастични фабрикваните далечно от България „предсказания“ за гибелта на поробителя.

Между Москва и Сопот лежат не само хиляди километри, но и петдесет години; стои различие в целта, сюжета, изразните средства на едно не решаващо, но знаменателно литературно явление, създадено от и за народа. Неговата трайност и популярност е още едно доказателство за неофициалните, но дълбоки взаимни връзки между балканските народи и Русия.

„ПРЕДСКАЗАНИЯ“ О КОНЦЕ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ (К вопросу о русско-болгарских культурных связях в XIX в.)

ВЕРА МУТАФЧИЕВА

(Резюме)

В статье поставлена задача осветить литературное явление, которое еще раз доказывает глубокие взаимные связи между балканскими народами и Россией. „Предсказания“ — эта апокрифическая по существу литера-

тура — играла и в России в XVIII и XIX вв. значительную роль в деле формирования русского общественного мнения и особенно в деле усиления убеждения и веры в русскую освободительную миссию на Балканах.

Исследования сохранившихся в советских библиотеках изданий „Предсказаний“, созданных в связи с греческим освободительным движением, указывают на связи и параллели с „предсказаниями“ о гибели поработителей, распространенными у нас на 50 лет позднее — во время Апрельской эпопеи.

LES „PREDICTIONS“ SUR LA FIN DE L'EMPIRE OTTOMAN

(Sur la question des relations culturelles russo-balkaniques au XIXe siècle)

VERA MUTAFČIEVA

(Résumé)

L'article se pose comme tâche de projeter la lumière sur un phénomène littéraire qui prouve encore une fois les liens profonds entre les peuples balkaniques et la Russie. Les „prédications“ — cette littérature apocryphe par son essence — ont joué en Russie au XVIIIe et XIXe s. un rôle considérable pour la formation de l'opinion publique russe et plus particulièrement pour le renforcement de la conviction et de la foi en la mission libératrice russe dans les Balkans.

Les études portant sur les „prédications“ éditées et conservées dans les bibliothèques soviétiques et qui ont été composées à l'occasion du mouvement de libération grec, montrent des liens et des parallèles avec les „prédications“ au sujet du sort funeste de l'asservisseur, propagées chez nous un demi-siècle plus tard, à l'époque de l'épopée d'avril 1876.

щето на преводачите в разбирането им за художествена литература. Общо взето, преводите не съумяват да възпроизведат идейно-художествения свят на оригиналните творби, нито на гръцките преводи, които в случая имат посредническа роля. Това проличава най-осезаемо при съпоставките с гръцките преводи на Пиколо, където лиричната атмосфера, чувството за красота и хармония, умението да изгради пластична картина и образ с рядък усет за езика са на равнището на най-хубавата тогава европейска художествена проза. В същото време българските преводачи съсредоточават усилията си да информират своя читател за сюжета. В най-добрия случай те възпроизвеждат случката, обстоятелството. В същност те заемат и главния им интерес, дотолкова, че на редица места предложените от оригинала или гръцкия първообраз обстоятелства в българския текст се допълват и с конкретизиращи моменти.

За състоянието на тогавашната българска литература обаче преводите от гръцки представляват известен тласък в развитието на художественото мислене. Чрез тях българският читател не само влиза в достъп с произведения на източните и европейските литератури, но се приобщава към необичайни за тогава теми, образи и взаимоотношения. Преводната ни литература се обогатява жанрово.

Най-голям е приносът на първите ни преводачи от гръцки в развитието на българската художествена реч, във формирането на художествена стилистика. Историкът на българския книжовен език през Възраждането ще открие в тяхното наследство много съществени процеси от формирането на литературен и художествен изказ под влияние на оригиналите или текстовете-посредници, които дават свой отпечатък върху облика на българския преводен стил и език.

Особеностите на преводните повести и романи от гръцки през първата половина на XIX в. потвърждават, че те са в този период необходим етап, един от пътищата, които подготвят появата и развитието на оригиналната българска белетристика.

ПЕРЕВОДНЫЕ ПОВЕСТИ И РОМАНЫ С ГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА В ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ XIX В. (ДО КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ)

АФРОДИТА АЛЕКСИЕВА

(Резюме)

В статье на основе сравнительного материала сделан анализ наиболее распространенных у нас во время болгарского Возрождения беллетристических произведений с греческого: „Мифология Синтипа философа“, „История великого Александра Македонского“, произведения сентиментализма „Потерянное дитя“, „Павел и Виргиния“, „Индийская хижина“, повести с сатиристическо-реалистическими элементами „Умные хитрости Бертольда“, приключенческая литература „Похождения молодого Робинзона“. На основе многих текстологических сравнений автор делает выводы

об отношении болгарских писателей эпохи Возрождения (Софрония Врачанского, Хр. Павловича, Христо поп Василюва, Райно Поповича, Анастаса Гранитского) к переводческой работе с греческого, об их зависимости от языка и стиля оригиналов или текстов-посредников, о стремлении некоторых из них авторизировать и обогарить переводы. Уточнены отдельные мнения о переводческой работе одних из первых переводчиков эпохи Возрождения Софрония Врачанского и Хр. Павловича, до которых некоторые исследователи до этого дошли логическим путем, не принимая во внимание греческие образцы. Подчеркивается посредническая роль греческой литературы в связи с произведениями восточной и западной литературы. Указано значение беллетристических переводов с греческого на развитие художественной мысли, литературного языка и формирования стиля в деле жанрового обогащения нашей переводческой литературы эпохи Возрождения.

NOUVELLES ET ROMANS TRADUITS DU GREC PENDANT
LA PREMIÈRE MOITIÉ DU XIXe S.
(JUSQU'À LA GUERRE DE CRIMÉE)

APHRODITA ALEXIEVA

(Résumé)

Se basant sur un matériau de comparaison, l'article procède à une analyse des œuvres littéraires traduites du grec, les plus répandues chez nous à l'époque de la Renaissance bulgare: „Mythologie de Sintipa le Philosophe“, „Histoire de l'illustre Alexandre de Macédoine“, des œuvres sentimentales: „L'enfant perdu“, „La cabane indienne“, „Paul et Virginie“, à éléments satiriques et réalistes — „Les ruses profondément sagaces de Bertold“, des romans d'aventures — „Le jeune Robinson Crusoe“. Grâce à une ample confrontation de textes, l'auteur arrive à des déductions sur le travail à l'époque de la Renaissance bulgare de Sophronij Vračanski, Hristaki Pavlovič, Hristo pop Vasiliev, Rajno Popovič, Anastas Granitski concernant la traduction du grec, sur leur dépendance de la langue et du style de l'original ou des textes intermédiaires, sur l'aspiration de certains d'eux de conférer leur touche d'auteur et de „bulgariser“ les traductions. L'auteur cherche à mettre au point de certaines opinions et évaluations au sujet du travail des premiers traducteurs de la Renaissance bulgare — Sophronij Vračanski et Hristaki Pavlovič, auxquelles quelques chercheurs étaient arrivés par voie logique, sans prendre en considération les modèles grecs. L'auteur relève le rôle d'intermédiaire de la littérature grecque dans le contact avec les littératures de l'Est et de l'Occident. L'importance des traductions littéraires du grec pour le développement de la pensée artistique, de la langue littéraire et la formation du style, ainsi que pour l'enrichissement des genres de notre littérature à l'époque de la Renaissance bulgare, est mise en relief.

ЗЕМУН — ОДИН ИЗ СЕРБСКИХ ЦЕНТРОВ БАЛКАНСКОГО КНИГОПЕЧАТАНИЯ В ПЕРИОД ВОЗРОЖДЕНИЯ

ВЕСЕЛИНА ДИМОВА

(Резюме)

В середине XIX в. Земун занимает место центра богатой и разносторонней культурной жизни, создавшейся в результате бурного политического и экономического развития города. Типография книгоиздателя Игната К. Сопрона дает возможность ряду сербских, болгарских и греческих литераторов печатать у него свои книги и содействует установлению контактов и взаимных влияний между ними, доказывающих общие литературные вкусы и интересы на Балканах в то время.

Типография Сопрона становится источником изданий большого значения как для сербского, так и для болгарского Возрождения. Личность И. Сопрона — журналиста, писателя и культурного деятеля, несправедливо оставалась до сих пор в тени в болгарской и сербской литературной истории. Он сыграл не малую роль в деле привлечения в Земун таких прогрессивных балканских литераторов, как Г. С. Раковски, Ботьо Петков, Савва Доброплодни, Любомир Ненадович, Милица Стоядинович и др. Книгоиздательская деятельность И. Сопрона и условия, которые предоставлял Земун, как город находящийся вне границ Турецкой империи, для балканских литераторов, содействуют его оформлению как одного из центров балканского книгопечатания в период Возрождения.

ZEMUN — UN DES CENTRES SERBES D'EDITION DE LIVRES DANS LES BALKANS LORS DE LEUR RENAISSANCE

VESELINA DIMOVA

(Résumé)

Vers le milieu du XIXe siècle, Zemun se dessine comme le centre d'une vie culturelle animée et variée — résultat du développement politique et économique impétueux de la ville. L'éditeur Ignat K. Sopron fournit la possibilité à une série d'hommes de lettres serbes, bulgares et grecs de publier leurs livres dans son imprimerie et contribue à l'établissement de contacts et d'influences mutuels témoignant des préférences et intérêts littéraires communs dans les Balkans à cette époque.

L'imprimerie de Sopron acquiert une importance considérable pour les publications non seulement de la Renaissance serbe, mais également de la Renaissance bulgare. La personnalité d'I. Sopron, lui même journaliste, écrivain et homme de la culture, injustement laissée dans l'ombre jusqu'à

présent par l'histoire littéraire bulgare et serbe, joue un rôle non négligeable pour attirer à Zemun quelques-uns des hommes de lettres balkaniques les plus progressistes, comme G. S. Rakovski, Botjo Petkov, Sava Dobroplodni, Ljubomir Nenadović, Milica Stojadinović, etc. L'activité de Sopron dans le domaine de l'édition, ainsi que les possibilités fournies par Zemun comme ville en dehors du rayon d'action de l'Empire turc aux hommes de lettres balkaniques, contribuent à ce qu'elle devienne un des centres d'édition de livres dans les Balkans lors de leur Renaissance.

в. „Лирия“ отначало докрай приветствува младотурската революция и призовава към сътрудничество с младотурците.

Изследването на албанската емигрантска преса въз основа на посочените критерии доказва голямото значение и интерес, който представлява пресата от този период. Характерът и значението на издаваните в София албански вестници определят характера и значението на албанската колония в София и я нареждат сред най-прогресивните и активни участници в албанското националноосвободително движение. Всичко това в крайна сметка подчертава значителната роля, която изиграва България като един от центровете на албанското националноосвободително движение, като „гнездо от приятели и доброжелатели“ на албанските емигранти, където те „имат пълна свобода да работят за освобождението на своята родина“⁵⁰.

АЛБАНСКАЯ ЭМИГРАНТСКАЯ ПЕЧАТЬ В БОЛГАРИИ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ АЛБАНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

БОЙКА СОКОЛОВА

(Резюме)

В период 1897—1912 гг. албанская колония издает в столице освобожденной Болгарии большое число газет, игравших значительную роль на последнем заключительном этапе албанского Возрождения. Они выражают основные идеи, течения и направления в албанском национально-освободительном движении и активно участвуют в политической жизни страны. Газеты „Дрита“, „Шкюпея е Шкюпънис“ и „Лири е Шкипырис“, представляющие самое прогрессивное национально-буржуазное демократическое течение, играют наиболее существенную роль. Не малую роль играют „Календари комбиар“ и другие газеты, выразители умеренного реформистского течения.

В этом первом исследовании албанской эмигрантской прессы в Болгарии рассматриваются два основных вопроса албанской национальной революции — вопрос об отношении к Турции и, в частности, к младотуркам, и неразрывно связанный с ним жизненно важный для албанцев вопрос о путях освобождения Албании и ее будущей судьбе. Затронуты также некоторые особенности албанского Возрождения. В частности уделено внимание жизни и деятельности албанской колонии и организаци в Софии, печатными органами которых являются исследованные газеты.

Анализ основных вопросов, затронутых в албанской эмигрантской прессе, издававшейся в Болгарии на последнем этапе албанского Возрождения, свидетельствует, что эта пресса сыграла важную роль в албан-

⁵⁰ Shënime historike, p. 83.

ском национально-освободительном движении. Упомянутые газеты оформляются как крайне демократические, революционные газеты, непосредственно руководящие национально-освободительной борьбой албанского народа.

LA PRESSE DES EMIGRES ALBANAIS EN BULGARIE ET QUELQUES QUESTIONS DE LA REVOLUTION NATIONALE ALBANAISE

БОЖКА СОКОЛОВА

(R é s u m é)

Au cours de la période 1897—1912, la colonie albanaise publie dans la capitale de la Bulgarie récemment libérée un grand nombre de journaux qui jouent un rôle considérable pendant l'ultime étape de la Renaissance albanaise. Ils deviennent les porte-parole des idées, courants et orientations fondamentaux au sein du mouvement de libération nationale albanaise et jouent un rôle actif dans la vie politique du pays. Les journaux „Drita“, „Shqypëja e Shqypënisë“ et „Liri e Shqipërisë“ représentant le mouvement démocratique national bourgeois le plus progressiste, jouent le rôle le plus marquant. L'activité de „Kalendari kombiar“ et des autres journaux, exprimant le mouvement modéré réformiste n'est pas négligeable non plus.

Cette première étude de la presse des émigrés albanais en Bulgarie examine deux questions fondamentales de la révolution nationale albanaise—celle de l'attitude envers la Turquie et plus particulièrement envers les Jeunes-Turcs et celle, indissolublement liée à la première et d'une importance vitale pour la question albanaise, des voies de la libération de l'Albanie et de son destin futur. Plusieurs particularités de la Renaissance albanaise sont également traitées. Une attention particulière est accordée à la vie et à l'activité de la colonie et de l'association albanaises à Sofia, dont les organes de presse sont les journaux étudiés.

L'analyse des questions fondamentales, de la presse éditée en Bulgarie par les Albanais émigrés durant l'ultime étape de la Renaissance albanaise, témoigne qu'elle a joué un rôle important dans le mouvement de libération nationale albanaise. Les journaux cités s'avèrent éminemment démocratiques: des journaux révolutionnaires qui dirigent directement la lutte de libération nationale du peuple albanais.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РОМАНА В БАЛКАНСКИХ ЛИТЕРАТУРАХ

МАРИН ЖЕЧЕВ

(Резюме)

В статье рассматриваются общие предпосылки, определяющие развитие романа и его особенности, показан путь его возникновения в балканских литературах. Его корни следует искать в повышенном интересе общества к истории, в стремлении человека завоевать не иллюзорное, а действительное место в жизни. На основе изучения советских, английских, греческих, сербских и болгарских исследователей романа, автор стремится раскрыть своеобразие балканского романа, обусловленное особенностями экономической, политической и культурной жизни. Он поддерживает тезис, что появившись после крупных завоеваний этого жанра в других странах, балканский роман добился успеха только отказавшись от подражательного характера и пойдя по пути развития на национальной почве.

QUELQUES PARTICULARITES DE L'EVOLUTION DU ROMAN DANS LES LITTERATURES BALKANIQUES

MARIN ŽEČEV

(Résumé)

L'article examine les prémisses déterminant l'évolution du roman et ses particularités; la voie de l'apparition de celui-ci dans les littératures balkaniques est indiquée. Ses racines doivent être cherchées dans l'intérêt accru de la société envers l'histoire, dans l'aspiration de l'homme de conquérir une place réelle et non illusoire dans la vie. En se basant sur les études de chercheurs soviétiques, anglais, grecs, serbes et bulgares, l'auteur s'efforce de dévoiler les particularités du roman balkanique, conditionnées par la vie économique, politique et culturelle. L'auteur soutient la thèse, qu'apparaisant après les grands succès du genre dans les autres pays, le roman balkanique enregistre ses propres succès seulement après avoir surmonté l'esprit d'imitation, lorsque sa voie de développement commence à s'effectuer sur un terrain national.

Анадолски жени: Прев. Ж. Молхов и А. Ешуа. — Ведрина, бр. 96, 1947; Плачуща върба. Прев. Л. Йорданов. — Нар. войска, бр. 700, 1950; Правосъдие. Прев. Ало киш (Н. Цонев). — Стършел, бр. 234, 1950; Из Писма от затвора. Прев. Л. Йорданов. — Нар. борба, бр. 173, 1950; Моего сърце. — Борба (Габрово), бр. 29, 9. IV. 1950; Съветска география. Прев. Н. Соколов. — Септемвриче, бр. 5, 3. X. 1951; 1917. — Дунавска правда (Русе), бр. 263, 7. XI. 1951; Ангина пекторис. — Читалище, 1952, кн. 2; Петият ден на една гладна стачка. Прев. Ив. Добрев. — Раб. дело, бр. 151, 1950; Стихотворения. Прев. Г. Жечев. — Лит. фронт, бр. 20, 1950; Писер Лоти; На Пол Робсън; 1917; Мемед; Прощаване; Нека да горим като Керем; Може би. Прев. Н. Цонев. — Септември, 1950, кн. 6; Нашите песни; Плачуща върба; Сняг вали в нощта; Моята обич; За ръцете ни и за лъжата; Ангина пекторис. Прев. Н. Цонев. — Септември, 1950, кн. 1; Зоя (Откъс). Прев. Л. Йорданов. — Нар. младеж, бр. 457, 1950; Моего сърце. Прев. Л. К. (Лео Коел). — Еврейски вестн, бр. 266, 1950; В затвора. Прев. Ал. Муратов. — Лит. фронт, бр. 54, 1951; Раждане. — Лит. фронт, бр. 50, 1951; Мойт стих е в боя. Прев. Г. Бициш. — Стършел, бр. 294, 1951; Ангина пекторис. — Веч. новини, бр. 39, 1951; От годишната, когато ме затвориха. — Нар. войска, бр. 886, 1951; Моего сърце. — Борба (Търново), бр. 29, 9. IV. 1950; Провокатор. — Нар. страж, 1951, кн. 21; Братко, сърце мое. — Нар. войска, бр. 777, 1950; Зоя. Прев. Н. Цонев. — Септември, 1951, кн. 8; Печална свобода. Прев. Н. Цонев. — Раб. дело, бр. 271, 1951; Хотел „Бор“. — Нар. култура, бр. 3, 20. I. 1962; 1917. — Септември, 1957, кн. 11; Махнете облаците на смъртта. Прев. Ан. Чирков. — Труд, бр. 173, 21. VII. 1955; Японският рибар. — Лит. фронт, бр. 17, 1955; Раждане. — Защита на мира, 1952, кн. 9; Балада за мира. Прев. Н. Цонев. — Лит. фронт, бр. 11, Раждане. Прев. Ат. Далчев. — Защита на мира, 1952, кн. 9; Часъте I през нощта. 17. III. 1955. Прев. Н. Цонев. — В защита на мира, 1955, кн. 6; Независимост. Прев. Н. Цонев. — Лит. фронт, бр. 50, 1956; От София, От Варна. Прев. Н. Цонев. — Нар. култура, бр. 22, 22. VI. 1957; Станция. Писна в 6 картини. Прев. Д. Меламед. — Пламък, 1957, кн. 10; Хотел „Бор“. — Нар. култура, бр. 3, 20. I. 1962; Четиристиян. Прев. Н. Цонев. — Лит. фронт, бр. 3, 18. I. 1962; Автобиография. — Лит. новини, бр. 56, 19. VI. 1963; Завещание. Прев. Н. Цонев. — В защита на мира, 1963, кн. 7—8; Червеният площад. Прев. Д. Дублев; Хотел „Бор“. Прев. В. Цонев. — Нар. култура, бр. 23, 8. VI. 1963; Сам под звездите. Из автобиогр. роман „Романтика“. Прев. Ст. Петкова. — Нар. армия, бр. 4909, 21. VII. 1964.

НАЗЫМ ХИКМЕТ — ПРОНИКНОВЕНИЕ, ПЕРЕВОДЫ, ВЛИЯНИЕ В БОЛГАРИИ

СТЕФАН ВЕЛИКОВ

(Резюме)

Назым Хикмет — один из виднейших современных турецких и мировых писателей, активный деятель движения за мир, страстный борец за дело коммунизма.

Болгарский читатель знакомится с его именем и творчеством еще в 1933 г., когда на страницах прогрессивного журнала „Наковальня“ под редакцией Димитра Полянова появляется первый отзыв о нем.

После победы социалистической революции в Болгарии Девятого сентября 1944 г. имя и творчество Назыма Хикмета становятся широко известными болгарскому читателю. Болгарская общественность принимает активное участие в международной кампании за освобождение На-

зыма Хикмета из тюрьмы в Турции. А когда поэт выходит на свободу и находит братский прием в Советском Союзе, он посещает ряд социалистических стран, в том числе и Болгарию.

Творчество Назыма Хикмета широко распространяется в Болгарии. Выходят несколько сборников его стихотворений в переводе на болгарский язык, его пьесы ставят на сценах лучших театров в Софии и в провинции. Наряду с этим Назым Хикмет оказывает творческое влияние на ряд болгарских писателей, среди которых — Г. Джагаров, Д. Дублев, Н. Цонев, М. Дикова, М. Цоневски и др. Такое благотворное влияние могут оказать только большие творцы, большие сердцеvedы.

NAZIM HIKMET EN BULGARIE — TRADUCTIONS ET INFLUENCE

STEFAN VELIKOV

(Résumé)

Nazim Hikmet est l'un des plus éminents écrivains contemporains turcs et du monde, un militant actif du mouvement de la paix, un militant passionné de la cause du communisme.

Les lecteurs bulgares s'initient à l'oeuvre de Nazim Hikmet dès 1933, lorsque la revue progressiste „Nakovalnja“, rédigée par l'écrivain Dimitre Poljanov, publie le premier écho.

Après la victoire de la Révolution socialiste en Bulgarie, le Neuf septembre 1944, le nom et l'oeuvre de Nazim Hikmet deviennent largement connus en Bulgarie. L'opinion publique bulgare participe activement à la campagne internationale pour la libération de N. Hikmet emprisonné en Turquie. Lorsque le poète est libéré et devient l'objet d'un accueil fraternel en Union soviétique, il visite une série de pays socialistes, parmi lesquels également la Bulgarie.

L'oeuvre de N. Hikmet trouve fort rapidement un large accueil en Bulgarie. Plusieurs recueils de ses poèmes sont publiés en traduction bulgare; ses pièces sont jouées sur les scènes des plus grands théâtres à Sofia et en province. En outre, il exerce une influence artistique sur une série d'écrivains bulgares, parmi lesquels G. Džagarov, D. Dublev, N. Tzonev, M. Dikova, M. Tzonevski, etc. C'est là une influence féconde, comme seule peuvent l'exercer des écrivains éminents, des connaisseurs profonds du coeur humain.